

Проблема биографической значимости художественных произведений в советской науке 1920–1930-х годов

В. А. Черкасов

(Белгородский государственный университет)*

В статье рассматриваются основные тенденции в осмыслении советскими учеными 1920–1930-х годов проблемы биографической значимости художественных произведений. В это время, наряду с радикальным биографическим методом «гершензонской» школы, в трудах представителей ОПОЯЗа возник не менее радикальный антибиографический подход к художественным высказываниям писателя. Эти крайности в теории и практике науки о литературе попытались примирить ученые академического типа – В. М. Жирмунский и Б. В. Томашевский.

Ключевые слова: биографический метод, антибиографическая тенденция, легендарная биография писателя, биографическая личность писателя.

The Problem of the Biographical Meaningfulness of Fictional Works in the Soviet Science of the 1920–1930s

V. A. Cherkasov

(Belgorod State University)

Abstract: In this article the main tendencies in the comprehension of the problem of biographical meaningfulness of fictional works by Soviet scientists, who live in the 1920-1930s, are considered. By that time side by side with the radical biographical method of the M. O. Gershenson's school the antibiographical approach to fictional statements of a writer had appeared. It was elaborated by representatives of OPOJAZ (Society for the Study of Poetic Language) and was also radical. The academic scientists – V. M. Zhirmunsky and B. V. Tomashevsky – attempted to reconcile these extremes in the theory and practice of literary criticism.

Keywords: biographical method, autobiographical tendency, legendary biography of a writer, biographical personality of a writer.

В 20–30-е годы XX в. в науке господствовал, условно говоря, «биографический» подход к художественным произведениям¹.

Наиболее радикальной в этом смысле была исследовательская установка М. О. Гершензона, остро сформулированная им в преамбуле к статье «Северная любовь Пушкина», вошедшей в книгу «Мудрость Пушкина» (1919): «Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих включает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства — надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину» (Гершензон, 1997: 53).

Парадоксальные утверждения Гершензона по поводу буквального прочтения лирики

Пушкина как основного методологического ключа в изучении личности и творчества поэта с удовольствием цитировали оппоненты исследователя, тем самым внедряя его идею в широкое литературное сознание. Так, Б. В. Томашевский, иронически комментируя тезис об «элементарной правдивости» пушкинской поэзии, упоминал в виде курьеза отрицание Гершензона «самой возможности написания Пушкиным стихотворения о зиме в иное время года» (Томашевский, 1990: 66). В. В. Вересаев ссылаясь на следующее устное заявление Гершензона по поводу «правдивости» стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...»: «Для меня настолько несомненна глубочайшая автобиографичность Пушкина до самых незначи-

* Черкасов Валерий Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретических основ начального образования Белгородского государственного университета. Тел.: 8 (909) 202-14-86. Эл. адрес: Cherkasov.Valeri@mail.ru

тельных мелочей, что когда я, напр., в стихотворении к Гнедичу („С Гомером долго ты...“) читаю: „И светел ты сошел с таинственных вершин“, — у меня сейчас же встает вопрос: а в каком этаже Публичной библиотеки помещалась квартира Гнедича?» (Вересаев 2000: 90).

Вероятно, благодаря яркой парадоксальности методологических формулировок, «услужливо» распространяемых враждебной критикой, биографический подход Гершензона стал буквально «притчей во языцех» в науке и критике 1920–1930-х годов и, пожалуй, служил неким универсальным обозначением исследований психолого-биографического характера (в самом широком значении этого слова). С именем Гершензона и в это время, и позже критики самых разных направлений связывали творчество многих писателей и литературоведов межвоенного двадцатилетия.

Уже упомянутый Б. В. Томашевский, ученый, близкий по своим методологическим установкам к формалистам, в своем аналитическом обзоре биографической пушкинианы, опубликованной до 1925 г., именно к Гершензону возводил существующие в научной литературе представления о безусловном биографическом значении поэтических высказываний Пушкина (Томашевский, 1990: 49–53, 65–66). В полемическом обзоре пушкинианы за 1923 г., опубликованном в журнале «Жизнь искусства» (Томашевский, 1924), он посчитал, что гершензоновский метод «медленного чтения» оказал определяющее влияние на методологические установки И. Д. Ермакова («Этюды по психологии творчества Пушкина»)², П. К. Губера («Дон-Жуанский список Пушкина») и А. П. Гроссмана («Этюды о Пушкине»)³.

В 30-е годы сомнительную славу эпигона Гершензона приобрел А. П. Гроссман. По мнению И. Татарова, одного из участников известной дискуссии по поводу проблем советского исторического романа, которая состоялась на страницах журнала «Октябрь» в 1934 г., Гроссман обратился к жанру биографического романа только потому, что увидел невозможность при существующем господстве понастоящему «научного» марксистского метода продолжать историко-литературные исследова-

ния в привычном для себя «гершензоновском» ключе. «Гроссману деваться некуда, — пишет Татаров, — потому что на почве историко-литературной его забьют, потому что эта почва становится научной, и он уходит в область вымысла, он берет форму биографического романа, который дает ему возможность маскировки» (Татаров, 1934: 215). Таким образом, Татаров утверждает влияние Гершензона на биографические романы Гроссмана.

Кроме того, влияние Гершензона находили у одного из последних представителей русской культурно-исторической школы П. Е. Щеголева⁴ (как автора работы «Пушкин и мужики», 1927) (Вересаев, 2000: 138), у марксистов Д. Д. Благого и Н. А. Бродского⁵, у Г. И. Чулкова (как автора биографии А. С. Пушкина «Жизнь Пушкина», 1936⁶) и даже у В. В. Вересаева в его антигершензоновской книге «В двух планах» (1929)⁷. Современный американский ученый Б. Горовиц, на наш взгляд, несколько парадоксально пишет о влиянии Гершензона на Ю. Н. Тынянова (как автора исследования, посвященного «северной любви» Пушкина, а именно статьи «Безыменная любовь», 1939)⁸.

Против биографизма как научного метода выступили в начале 20-х годов Б. М. Эйхенбаум и В. Б. Шкловский. Главным объектом их полемики стал биографизм «психологической школы» (Ханзен-Лёве, 2001: 178), т. е. стремление ее представителей (эпигонов А. А. Потебни⁹) изучать психологию биографической личности писателя на основании его художественных произведений.

По мнению Эйхенбаума и Шкловского, в художественных произведениях не следует искать какого-либо биографического значения, так как между литературой и реальностью нет прямой связи¹⁰.

В исследовании «Молодой Толстой» (1922) Эйхенбаум указывает на неизбежное искажение, которому подвергается душевная жизнь при ее словесном оформлении¹¹. Отсюда делается парадоксальный вывод о принципиальной неадекватности даже таких высказываний писателя по поводу своей душевной жизни, которые были им сделаны в юношеском дневнике, т. е. в тексте, традиционно счи-

тающимися документальным. «Исходя из убеждения в том, что словесное выражение не дает действительной картины душевной жизни, — пишет ученый, — мы должны как бы *не верить* ни одному слову дневника и не поддаваться соблазнам психологического толкования, на которое не имеем права» (Эйхенбаум, 1987: 36).

Шкловский, рассматривавший лирику Ахматовой с аналогичной точки зрения, мотивирует элиминирование биографической личности поэтессы сущностным отличием законов литературы от законов реальности. Это отличие дарует литературе свободу от реальности: «Свобода поэзии, отличность понятий, входящих в нее, от тех же понятий до перетворения <так!>, — вот разгадка лирики» (Шкловский, 1990: 143)¹². Такие понятия реальности, как «душа» либо «человеческая судьба», в литературном произведении являются «суммой стилистических приемов»¹³.

Как показал Оге А. Ханзен-Леве, Эйхенбаум и Шкловский сохранили антибиографическую установку в своих работах социологического характера, написанных в период последней методологической фазы формализма (1925–1934 гг.)¹⁴.

Радикальный антибиографизм ОПОЯЗа получил значительный резонанс в науке и критике 1920–1930-х годов. Он оказался неприемлем для ученых, в своей методологии стремившихся совмещать биографический подход (в широком значении этого слова) с исследованиями формалистического характера.

Так, В. М. Жирмунский в программной статье «Задачи поэтики» (1919) утверждал правомочность биографического подхода в рамках изучения поэтики художественного произведения¹⁵. Ниже, критикуя формалистскую теорию эволюции, он декларировал решающее значение генезиса: «Эволюция стиля как системы художественно-выразительных средств или приемов тесно связана с изменением общего художественного задания, эстетических навыков и вкусов, но также — всего мироощущения эпохи» (Жирмунский, 1977: 38). В другой статье вместо «мироощущения эпохи» Жирмунский употребляет такие же «психологизированные» термины — «чувство жизни»,

«художественный вкус эпохи» (Жирмунский, 1977: 92)¹⁶ — и напрямую пишет о «художественно-психологическом смысле» той или иной «системы стиля» (Жирмунский, 1977: 92)¹⁷. Таким образом, ученый фактически снимает границу между эстетической реальностью художественного произведения и биографической личностью писателя, взятой в ее культурно-психологическом аспекте¹⁸, которую стремились провести его оппоненты в лице участников ОПОЯЗа.

Против радикального антибиографизма опозовцев выступил также Б. В. Томашевский. В статье «Литература и биография» (1923) он указал на существование в современной науке двух крайних точек зрения на проблему биографического значения художественных произведений. С одной стороны, как пишет Томашевский, «многих биографов нельзя заставить осмыслить художественное произведение иначе, чем как факт биографии писателя» (Томашевский, 1923: 6). Для представителей же «ОПОЯЗа» и «других ветвей «формализма» — «всякий биографический анализ произведения есть венаучная контрабанда» (там же).

Свою концепцию ученый строит, отталкиваясь и от той, и от другой крайности. В этом смысле показателен уже иронический тон в приведенных определениях антагонистических течений («нельзя заставить осмыслить», «венаучная контрабанда»), а также взятое в кавычки обозначение научного направления, к которому обычно приписывают Томашевского, — «формализм». Очевидно, эти кавычки символизируют отстраненное отношение ученого к данному явлению (т. е. так называемый формализм).

При этом Томашевский отнодь не считает занятую им позицию нейтральной. По поводу такого *status quo* он употребляет ироническое сравнение с положением человека, находящегося между двумя стульями¹⁹.

Томашевский подходит к решению проблемы с исторической точки зрения. Он указывает, что биография писателя может быть литературным фактом, в зависимости от той или иной культурно-исторической ситуации. Име-

ются в виду эпохи, когда интерес читателя к биографической личности автора столь силен, что тот сознательно вводит искомое, естественно, функционально преобразованное, в свои литературные произведения и параллельно конструирует свою жизнь по эстетическим законам своего творчества. Таким образом появляются так называемые «писатели с биографией», т. е. писатели, создавшие вокруг своего имени легендарную биографию. Эта биография выполняет конструктивную функцию в произведениях этих писателей и потому не может быть проигнорирована исследователем.

Но где в данной концепции место реальной биографии писателя? Имеют ли, по Томашевскому, художественные высказывания писателя реальное, а не только литературное значение?

В данной статье ученый касается этой проблемы попутно, в связи с выяснением главного вопроса о значимости биографии писателя для понимания его творчества. Так, он мотивирует конструктивную роль легендарной биографии писателя для понимания его произведений, в том числе, и наличием в них намеков на факты жизни автора: «Для историка литературы только она <идеальная биографическая легенда. — В. Ч.> и важна для воссоздания той психологической среды, которая окружала эти произведения, и она необходима постольку, поскольку *в самом произведении заключены намеки на эти биографические — реальные или легендарные, безразлично — факты жизни автора* (курсив мой. — В. Ч.)» (там же: 8).

В другом месте статьи указывается, что при изучении поэтики Блока необходимо учитывать «элементы интимного признания и биографического намека» (там же: 9). А поскольку, как говорится чуть выше, «читатели <Блока. — В. Ч.> из третьих рук всегда были осведомлены о главнейших событиях его жизни» (там же) и, следовательно, имели возможность убедиться в аутентичности их представлений о биографической личности Блока, то, таким образом, под упомянутыми «намёками» имеется в виду не только их литературный субстрат (иначе лирика Блока оказалась бы дискредитированной в глазах биографически ориентированного читателя).

Прямой ответ на обсуждаемый в данном параграфе вопрос Томашевский дал в монографии «Пушкин: современные проблемы историко-литературного изучения» (1925).

Прежде всего, он отверг всякий догматизм, в том числе, очевидно, и формалистский, при решении этого вопроса. Негативная позиция мотивируется спецификой гуманитарного знания: «Пора перестать вообще в гуманитарных науках оперировать с непреложностями, с «канонами», догмами и т. п. Все дело в одной вероятности, и гипотеза отличается от утверждения только тем, что вероятность гипотезы есть совершенно неизвестная величина (искомая), а вероятность утверждения есть величина определенная» (Томашевский, 1990: 50). Лирика, по Томашевскому, «намечает вехи для биографической гипотезы» (там же), степень вероятности которой проверяется с помощью побочных свидетельств. А гипотеза иногда оказывается единственным средством для познания темных мест биографии писателя. Отсюда вытекает признание биографического значения лирики: «Лирика — вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь — ненадежный материал». (там же). Таково заключение Томашевского.

Подводя итог нашему исследованию основных подходов к решению проблемы биографической значимости художественных произведений, которые существовали в русской науке в межвоенное двадцатилетие, следует сказать, что в этот период в ней возникла весьма сильная антибиографическая тенденция.

Одной из главных причин этой тенденции явилась глубокая неудовлетворенность ученых-формалистов традиционным методом «вычитывания» биографических фактов из художественных высказываний писателя, который в своей крайней форме проявился в трудах Гершензона.

Хотя В. М. Жирмунский и Б. В. Томашевский полемизировали с радикальным антибиографизмом опоязовцев, однако и они в большей или меньшей степени разделяли методологическое убеждение своих противников в недопустимости отождествления литературных героев с биографической личностью их творца.

Это убеждение было связано с общим представлением о самодовлеющей эстетической ценности художественных произведений, конфронтирующим с практикой «биографистов» по их использованию всего лишь в качестве подсобного материала для изучения писателя как человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Ученые, придерживающиеся биографического метода либо родственного ему психолого-биографического подхода к литературным произведениям, исходят в своих исследованиях из презумпции каузальности, якобы существующей между художественными произведениями и теми или иными внелитературными рядами (собственно говоря, настоящими объектами их исследования), которые прямо или косвенно связаны с биографической личностью автора этих произведений. Под «биографической личностью» писателя мы понимаем его конкретную, «человеческую», индивидуальность.

²Эта работа считается репрезентативной при характеристике психоаналитической школы в советском литературоведении 20-х годов.

³Хотя имя Гершензона не названо, но по цитате легко угадать, о чем методе идет речь: «Зудит у литератора „идея“ — подбирается — ладно или нет — подходящий стих из Пушкина, тот или иной эпизод из его жизни — и готова новая Пушкиниана. А если нет мыслей — то „медленно“ читаются (выделено нами. — В. Ч.) любые стихи Пушкина и тягостно накручиваются любые мысли, приходящие в голову литератора по системе свободных ассоциаций» (Томашевский, 1924: 15).

⁴Ссылаемся на характеристику метода Щеголева, данную Н. К. Пиксановым в некрологе ученому: «Давая превосходные этюды и экскурсии по отдельным писателям, он ни разу не выступил с обобщенной характеристикой целой литературной эпохи или литературного направления. Он воспитался в школе пыпинской, культурно-исторической, либерально-буржуазной. <...> в области исторической методологии он оказался малоподвижным. На всем протяжении своего писательства Щеголев оставался чужд влияниям марксизма» (Пиксанов, 1931: 14).

⁵См. рецензию И. Сергиевского на «Комментарии к «Евгению Онегину», составленные Н. А. Бродским: «Так методологическая система Благого, к которой Н.А. Бродский испы-

тывает заметное тяготение, целиком базируется, с одной стороны, на Гершензоне, обильно уснащенном марксистской фразеологией, а с другой — на Переверзеве. Наличие гершензонского влияния в книге Н. А. Бродского еще раз подтверждает, что до сих пор наша критика проявила недостаточно активности и последовательности в борьбе с этим направлением» (Сергиевский, 1933: 154).

⁶См.: Левкович, 1966: 293. На самом деле Чулков проводил различие между своим подходом и методом Гершензона в подробной аннотации «Жизни Пушкина»: «... его поэзия автобиографична — не в том смысле, как думал покойный М. О. Гершензон, который искал в каждой строке Пушкина буквальную запись повседневной жизни, а в том смысле, что почти все произведения поэта были прямым следствием его собственного жизненного опыта. В их сюжетах нет надобности, конечно, искать точных житейских аналогий, но поэтические признания Пушкина никогда не были плодом отвлеченных мечтаний. Пушкин был великий реалист» (Чулков, 1936: 19). См. также замечание Б. В. Томашевского по поводу стремления Чулкова вчитать «некую космическую философию» в творчество Пушкина: «Есть опасность, что на этом пути его постигнет такая же неудача, какая постигла М. Гершензона в его старании расфилософствовать Пушкина...» (Томашевский, 1938: 50).

⁷См. рецензию сотрудника журнала «Русский язык в советской школе» на книгу В. В. Вересаева «В двух планах» (1929): «Над некоторыми статьями реет „дух“ Гершензона, хотя выводы В. Вересаева о характере поэзии Пушкина во многом противоположны гершензонским» (Русский язык, 1930: 218).

⁸«Годы спустя после того, как Гершензон и Щеголев прекратили полемику, — пишет Горюхица, — в 1939 году Юрий Тынянов продолжил диспут, заявив, что Пушкин на самом деле испытывал сильное чувство, „северную любовь“ к Екатерине Андреевне Карамзиной, жене знаменитого историка Н. М. Карамзина. С одной стороны, статья Тынянова показывает, что даже самые скрупулезные ученые становятся иногда жертвами собственной интуиции, с другой — она отражает то влияние, которое Гершензон имел на метод Тынянова и на те вопросы, которые ставил последний» (Горюхица, 2004: 60).

⁹Например, в Литературной энциклопедии 20–30-х годов в числе эпигонов Потебни называются имена Горнфельда, Райнова, Лезина, Энгельмейера, Харциева. Сравнить:

«Остальные ученики П. <отебни> были, по существу, лишь эпигонами своего учителя. Горнфельд сосредоточивал главное внимание на проблемах психологии творчества и психологии восприятия („Муки слова“, „Будущее искусство“, „О толковании художественного произведения“), трактуя эти проблемы с субъективно-идеалистических позиций. Райнов популяризировал эстетику Канта. Другие ученики П. <отебни> — Лезин, Энгельмейер, Харциев — развивали учение П. <отебни> в направлении эмпириокритицизма Маха и Авенариуса» (Дроздовская, 1929).

¹⁰ См. также заявление опоязовца О. М. Брика в программной статье «Так называемый формальный метод», опубликованной в первом номере журнала «Леф» (1923): «Если поэтическое произведение может быть понято как „человеческий документ“, как запись из дневника, — оно интересно автору, его жене, родным, знакомым и маньякам типа страстно ищущих ответа на „курил ли Пушкин?“ — никому больше» (цит. по: Сакулин, 1925: 223). Об антибиографическом выступлении Р. О. Якобсона в статье «Новейшая русская поэзия» (Прага, 1921) см. сноску 17.

¹¹ «Всякое оформление своей душевной жизни, выражающееся в слове, есть уже акт духовный, содержание которого сильно отличается от непосредственно-пережитого. Душевная жизнь подводится здесь уже под некоторые общие представления о формах ее проявления, подчиняется некоторому замыслу, часто связанному с традиционными формами, и тем самым неизбежно принимает вид условный, не совпадающий с ее действительным, внесловесным, непосредственным содержанием. Фиксируются только некоторые ее стороны, выделенные и осознанные в процессе самонаблюдения, в результате чего душевная жизнь неизбежно подвергается некоторому искажению и стилизации» (Эйхенбаум, 1987: 36).

¹² Цитируется рецензия Шкловского на книгу Ахматовой «ANNO DOMINI MCMXXI» (1922).

¹³ См. рассуждение Шкловского из трактата «Розанов» (1921) по поводу автобиографичности таких книг писателя, как «Уединенное» и «Опавшие листья»: «Конечно, в этих произведениях, интимных до оскорбления, отразилась душа автора. Но я попробую доказать, что душа литературного произведения есть не что иное, как его строй, его форма. Или, употребляя мою формулу: „Содержание (душа сюда же) литературного произведения равно сумме его стилистических приемов“» (Шкловский, 1990: 121). См. также

афоризм Шкловского, высказанный в упомянутой рецензии на книгу Ахматовой: «Человеческая судьба стала художественным приемом» (Шкловский, 1990: 143).

¹⁴ По словам австрийского исследователя, формалисты при социологическом анализе использовали «технику „исторического обнажения“ или разоблачения шаблонных, конвенционализированных „образов поэта“ <...> не для того, чтобы обнаружить „подлинного“ человека — Автора 1 („подлинного“ Пушкина, „не искаженный“ характер Толстого, „правду“ об интимной жизни Гоголя), как это пытается делать любое „демифологизирующее“ исследование в области истории литературы, ориентированное на биографию и действующее с помощью (глубинной) психологии; цель формалистов была обратной — анализ тех литературных приемов, которые вели к перспективной реализации позиции Автора 1 <= «биографической личности» реального автора> в системе повествовательной перспективы произведения в виде А 2 <= «литературной личности/образа автора/маски»>, а также приемов „мифологизации“ Автора 2 и превращения в Автора 3 <= «литературно-бытовую личность»> в рамках „литературного быта“» (Ханзен-Леве, 2001: 403).

¹⁵ «... вопрос об искусстве как о социальном факте или как о продукте душевной деятельности художника, изучение произведения искусства как явления религиозного, морального, познавательного остаются как возможности; задача методологии — указать пути осуществления и необходимые пределы применения подобных приемов изучения» (Жирмунский, 1977: 18).

¹⁶ Имеется в виду статья «Мелодика стиха (По поводу книги Б. М. Эйхенбаума „Мелодика стиха“. Пб., 1922)» (1922).

¹⁷ В данном фрагменте статьи Жирмунский полемизировал с радикальным антипсихологизмом Р. О. Якобсона, который в трактате «Новейшая русская поэзия» (Прага, 1921) свел отразившиеся в романтической лирике чувства и мысли автора к функции мотивировки «иррационального поэтического построения» (Якобсон, 1987: 277). Как иронизирует Жирмунский, «... Р. Якобсон вполне последовательно рассматривает мистическое чувство в романтической лирике как „мотивировку“ известных приемов словесного искусства» (Жирмунский, 1977: 92).

¹⁸ Для взгляда Жирмунского на проблему биографического значения художественных высказываний писателя весьма показательны также его лекции, читанные в Ленинград-

ском университете в рамках курса «Введение в литературоведение» (стенограмма датируется 1945/1946 учебным годом (Плавский, 1996: 6). Так, в отличие от Якобсона (см. сноску 17), Жирмунский считает, что у романтиков поэтическое произведение является «дневником чувства, исповедью, выражением личной жизни поэта». (Жирмунский, 1996: 125). Это утверждение обосновывается общим законом романтической эстетики, согласно которому поэзия рассматривается «прежде всего как выражение личных переживаний поэта» (там же). Вообще говоря, в этом курсе Жирмунский уделил значительное внимание вопросам биографии писателя.

¹⁹ «Занять нейтральную позицию в вопросе о том, есть ли стихотворение „Я помню чудное мгновенье“ художественное претворение человеческих отношений Пушкина к Керн или же это есть свободная лирическая композиция с использованием образа Керн как безразличного, не имеющего отношения к биографии „значка“, „конструктивного материала“ — быть в этом вопросе нейтральным — не значит ли сесть между двумя стульями?» (Томашевский, 1923: 6). Для сравнения: в поздней монографии «Пушкин» (1956) Томашевский толковал данное стихотворение в психолого-биографическом ключе как отражение того «чувства прилива жизненных и творческих сил» (Томашевский, 1990а II: 336), которое поэт испытал летом 1825 г., к моменту свидания с А. П. Керн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вересаев, В. В. (2000) В двух планах. М.: Захаров.
- Гершензон, М. О. (1997) Северная любовь Пушкина // Угаенная любовь Пушкина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект». С. 53–73.
- Горовиц, Б. (2004) Михаил Гершензон — пушкинист: Пушкинский миф в Серебряном веке русской литературы. М.: Минувшее.
- Дроздовская, Е. (1929) Потехня Александр Афанасьевич // Литературная энциклопедия. 1929–1939 гг. [Электронный ресурс].
- Жирмунский, В. М. (1977) Избранные труды: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука
- Жирмунский, В. М. (1996) Введение в литературоведение: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та.
- Левкович, Я. А. (1966) Биография // Пушкин: итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука. С. 251–302.
- Пиксанов, Н. К. (1931) П. Е. Щеголев [Некролог] // Красная нива. № 4. С. 14.
- Плавский, З. И. (1996) Об авторе и книге // Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. С. 3–11.
- Русский язык. (1930) [Без имени автора]. Вересаев В. В двух планах. Статьи о Пушкине. М.: «Недра», 1929 [Рец.]. // Русский язык в советской школе. № 2. С. 218.
- Сакулин, П. Н. (1925) Социологический метод в литературоведении. М.: Мир.
- Сергиевский, И. (1933) Как комментировать классиков // Литературный критик. № 1. С. 152–155.
- Татаров, И. (1934) За глубокое овладение исторической наукой // Октябрь. № 7. С. 213–215.
- Томашевский, Б. В. (1923) Литература и биография // Книга и революция. № 4 (28). С. 6–9.
- Томашевский, Б. В. (1924) И еще Пушкинина // Жизнь искусства. № 2. С. 15–16.
- Томашевский, Б. В. (1938) Жизнь Пушкина. [Рец. на кн.: Чулков Г. И. Жизнь Пушкина. М.: Гослитиздат, 1938] // Литературное обозрение. № 23. С. 46–51.
- Томашевский, Б. В. (1990) Пушкин: современные проблемы историко-литературного изучения // Томашевский Б. В. Пушкин: работы разных лет. М.: Книга. С. 8–76.
- Томашевский, Б. В. (1990а) Пушкин: в 2 т. 2-е изд. М.: Художественная литература.
- Ханзен-Леве, Оге А. (2001) Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры.
- Чулков, Г. И. (1936) О биографии Пушкина // Книжные новости. № 21. С. 19–20.
- Шкловский, В. Б. (1990) Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М.: Советский писатель.
- Эйхенбаум, Б. М. (1987) О литературе: работы разных лет. М.: Советский писатель.
- Якобсон, Р. О. (1987) Работы по поэтике: переводы. М.: Прогресс.